

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ ПРЕСТАВЛЕНІЯ СВЯТАГО БЛАГОВѢРНАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО (').

Не бойся суда смерти (Сир. 41, 5).

Мысль о смерти вообще тяжела для чувства. Случись намъ нечаянно на пути встрѣтить чей нибудь гробъ, или намѣренно предстать гробу сродника или знакомаго: сама собою родится въ душѣ грусть и изъ сжатого тайною скорбію сердца невольно вылетитъ вздохъ: какъ страшно умереть! какъ жаль разстаться съ жизнью!

Но есть случаи, когда и самое живое воспоминаіе о смерти не тяготитъ души. Есть гробы, которые напоминаютъ о смерти живо и сильно, но не горестное предчувствіе возбуждаютъ въ душѣ, а, напротивъ, проливаютъ въ нее такой отрадный миръ, что, кажется, приблизившись къ нимъ однажды, не отошелъ бы никогда, — преподаютъ сладостное для души наставленіе — жить съ памятью о смерти, но не боясь смерти, и умирать безъ тяжелаго сожалѣнія о жизни.

Такой именно случай представляетъ нынѣшнее торжество Церкви, совершающей память блаженной

(') Говорено въ Александровской лаврѣ 23-го Ноября, 1847 года.

кончины святаго благовѣрнаго вел. князя Александра. Таковъ священный гробъ, которому предстоимъ мы въ семъ храмѣ, въ продолженіе столькихъ лѣтъ хранящихъ нетлѣнные останки угодника Божія. И торжественное воспоминаніе кончины святаго князя, совершаемое Церковію, и самый гробъ его, предстоящій предъ очами нашими, напоминаютъ намъ смерть, какъ общій, неизбѣжный удѣлъ всѣхъ, даже и праведныхъ. Но, при этомъ напоминаніи, поражаетъ ли душу трепетный страхъ смерти, какъ самага тяжкаго, послѣдняго изъ золъ, какихъ только можно бояться? Видъ этого гроба возбуждаетъ ли въ сердцахъ скорбное чувство горькаго сожалѣнія о жизни, съ которою, неизвѣстно когда, но непременно придется разстаться? Нѣтъ, кто искренно сочувствуетъ нынѣшнему торжеству Церкви и съ истинною вѣрою взираетъ на гробъ св. угодника, тотъ отъ сего священнаго покоища праведника Божія можетъ унести съ собою одно только отрадное убѣжденіе, — убѣжденіе, что есть образъ жизни, при которомъ смерть не страшна; и есть родъ смерти, для котораго можно пожертвовать всѣми радостями временной жизни. — Остановимся на этомъ вождельномъ убѣжденіи, чтобы глубже напечатлѣть его въ сердцахъ своихъ. Оно благотворно и въ жизни, и на случай смерти.

Есть, бр. образъ жизни, при которомъ смерть не страшна. Это—жизнь христіанина-праведника.

Самое убѣдительное доказательство этого для насъ—жизнь праведника, покоющагося предъ очами нашими. Не разъ, въ продолженіе своего многотруднаго служенія, былъ онъ поставляемъ въ необходимость выбирать одно изъ двухъ: благо отечества, или

жизнь,—и никогда не колебался въ выборѣ. Чужеземный и иновѣрный властитель, гордый и жестокий. тѣснить его отчизну, и князь долженъ лично исходатайствовать ей у него милость. Князь понимаетъ всю опасность, ему угрожающую; но—не разсуждаетъ о томъ, какъ страшно умереть, и, съ твердымъ упованіемъ на промыслъ Божій, спокойно беретъ на себя тяжкій подвигъ ходатайства за свой народъ. Враги сосѣдніе нападаютъ на его области. Надобно защищать родные предѣлы. — Смерть передъ глазами. Но — онъ идетъ противъ враговъ, не взирая даже на слезы только—что осчастливленной имъ семьи его, идетъ на брань едва не съ брачнаго своего пира, несетъ жизнь свою на спасеніе отечества въ минуты первыхъ надеждъ на семейное счастье,—и нѣтъ у него мысли о томъ, какъ тяжело разстаться съ жизнью! Какая необычайная сила души!—невольно восклицаемъ мы. Необычайная? А развѣ не должна она быть въ каждомъ Христіанинѣ, кто-бы и гдѣ-бы онъ ни былъ? Эта сила—въ чистотѣ души, любящей Бога. Нечего бояться смерти тому, кто берегъ свою совѣсть и всегда готовъ предстать предъ Бога! Страшно вѣчное проклятіе; ужасна безконечная мука; страшно предстать Богу въ минуту забвенія Бога, и неминуемо наследовать вѣчное осужденіе... Но не боится этого тотъ, у кого всегда предъ очами Богъ, и кто неуклонно идетъ путемъ правды!—Горько разстаться съ жизнью и ея радостями тому, у кого нѣтъ блага выше этой жизни и иныхъ радостей, кромѣ земныхъ (Сир. 41, 1—2). О, тому естественно рыдать и плакать при мысли о потерѣ жизни. Но о чемъ будетъ скорбѣть истинно-любящій Бога Христіанинъ, у котораго цѣль дальше гроба и въ виду блага небеснаго,

чистыя, прочныя, совершенныя? Теряетъ-ли онъ что-нибудь въ смерти, приближаясь къ самому Богу (Фил. 1, 23)? Смерть разлучаетъ его съ сродниками и знаемыми, съ которыми онъ связанъ союзомъ живой любви? Но человѣкъ Божій развѣ не знаетъ, что тѣ сладостныя для души связи, въ какія вступилъ онъ здѣсь, даны ему на время,—что впереди ждутъ его радости новыя, несравненно лучшія? Развѣ онъ не знаетъ, что и самыя здѣшнія связи, если только онѣ чисты и святы, то-есть, связи святой любви во Христѣ, не прекращаются съ смертію, но по-видимому только прерываются ею на время? Пусть-же войдетъ, кто хочетъ,—а войти можетъ всякій,—въ это блаженное состояніе праведника, который еще здѣсь дышетъ, такъ сказать, воздухомъ неба, нося въ себѣ *начатокъ духа* (Рим. 8, 23),—который зрѣтъ предъ собою Бога и любитъ Его, какъ подобаетъ, всею душею, а ко всему въ мірѣ располагаетъ столько и такъ, что его сердечныя привязанности только питаютъ, усугубляютъ и возвышаютъ любовь къ Богу. Пусть войдетъ: это настоящее состояніе человѣка, созданнаго для Бога и для вѣчности. Тогда смерть не будетъ страшна, и мысль о разлукѣ съ жизнію не будетъ горестна. И блага жизни не потеряютъ при этомъ своей законной цѣны и истинной сладости. Напротивъ, въ этомъ состояніи, для истиннаго Христіанина, если ему суждены радости въ жизни, онѣ, восполняясь миромъ и радостію духа, будутъ несравненно сладостнѣе. Вкушая ихъ, онъ будетъ признавать себя выше ихъ,—владыкою ихъ, и, понимая ихъ цѣну, будетъ пользоваться ими правильно: отъ нихъ будетъ переноситься мыслию къ ожидаемымъ благамъ духовнымъ, чистѣйшимъ. Отъ мысли о смерти много

теряютъ земныя блага у того только, кто ради ихъ собственно не хотѣлъ-бы никогда умирать, и только тѣ блага, которыя враждуютъ съ совѣстію и не совмѣстны съ вѣчными, небесными радостями.

Есть, бр., и родъ смерти, для котораго можно пожертвовать всѣми радостями временной жизни. Это—смерть праведника.

Перенесемъ мыслию къ самому началу нынѣшняго торжества,—къ тому времени, когда покоящійся нынѣ предъ нами праведникъ блаженно оканчивалъ свое теченіе... На полпути изъ Орды, гдѣ исходатайствовалъ новое благо вѣренному ему отъ Бога народу, уже и до того изнемогшій въ трудахъ, благовѣрный князь занемогъ тяжелою болѣзнію. Боголюбивая душа его забывается въ это время все: и радость, какая ожидала его въ отечествѣ, — и скорбь роднаго народа, какою должна была поразить его кончина любимаго князя—благодѣтеля,—и свои намѣренія и планы, клонившіеся ко благу его престола, — и даже свою болѣзнь, остановившую его среди пути... Онъ чувствуетъ только одно, что близокъ конецъ его,—помнить только то, что скоро долженъ предстать Богу. Пламенѣющее любовію къ Богу его сердце спѣшитъ устроить одно дѣло—торжественно выразить и на всю вѣчность запечатлѣть тѣ святыя обѣты Боголюбивой души, которые во всю жизнь почивали въ немъ и одушевляли его среди трудовъ великокняжескаго служенія въ духѣ истинной Христовой вѣры. Онъ спѣшитъ принять схиму въ живое свидѣтельство предъ Богомъ и цѣлымъ міромъ, что его сердце любитъ-Бога... Силы постепенно ослабѣваютъ... Смерть борется съ жизнью, и жизнь видимо начинаетъ угасать... Сердца окружающихъ смертній одръ его

полны скорби, и слезы сожалѣнія невольно текутъ изъ очей ихъ; рыданія сами собою исторгаются изъ ихъ сердець... А онъ, праведникъ Божій, покоенъ!... Мирно испускаетъ онъ духъ свой, и, въ то время, когда вокругъ его бездыханнаго тѣла раздаются вопли, онъ приѣмлетъ уготованный вѣнецъ правды и святое тѣло его наслѣдуетъ нетлѣніе... Тамъ, въ обителяхъ Отца небеснаго, срѣтають блаженный духъ его лики Ангеловъ Божіихъ и праведныхъ душъ. Здѣсь облеченныя чудодѣйственною силою нетлѣнныя его мощи являютъ орудіемъ благодати Божіей къ вѣрнымъ Богу его соотчичамъ.

Пусть, предстоя здѣсь гробу праведника, каждый спроситъ у своего сердца: стоятъ-ли такой смерти всѣ радости жизни, — не говоря уже о тѣхъ, которыя покупаются цѣною души и совѣсти? О, вѣрно, — и даруй Богъ, чтобы такъ было! — вѣрно, ни одно сердце не дастъ голоса за земное счастье! Будемъ же помнить, что умереть, рано или поздно, непременно каждому придется, — что лучше умереть съ миромъ, чѣмъ на смертномъ одрѣ испытывать угрызенія совѣсти, муки отчаянія, горечь разрыва связей, опутывающихъ сердце, — мученіе разлуки съ благами, съ которыми разстаться не хочется, а взять съ собою нельзя, — и что есть родъ смерти, который въ состояніи не только вознаградить за несчастія, но и замѣнить своею сладостію всѣ радости жизни: смерть праведника послѣ богоугодной жизни. Послѣ, говоримъ, жизни богоугодной, потому-что, — будемъ, наконецъ и это помнить, — тогда только мы умремъ смертію праведниковъ, если будемъ жить, какъ праведники, предавшие Богу, любящіе Бога паче всего, — тогда, и только тогда, и мы, *аще постигнемъ скончатися.*

въ покои будемъ (Прем. 4, 7); и умремъ покойно, и послѣ смерти наслѣдуемъ вѣчный покой.

Будемъ помнить все это, какъ полезный урокъ отъ гроба угодника Божія, коего память нынѣ совершаемъ!.. Жизнь идетъ, не останавливаясь, и съ каждымъ часомъ становится къ концу все ближе и ближе; а смертию пренебрегать нельзя: она—конечный переходъ къ вѣчному мученію, или къ вѣчному блаженству, смотря по нашимъ дѣламъ. Будемъ у праведныхъ учиться праведной жизни, пока еще на пути къ вѣчной жизни. Придетъ время суда и воздаянія: тогда уже поздно учиться! Тогда и самые праведники, любящіе и поучающіе насъ нынѣ, если мы не научимся у нихъ праведности благовременно, возстанутъ на судъ съ нами и осудятъ насъ (Мат. 12, 41). Да спасетъ насъ отъ сего милость Божія молитвами святаго благовѣрнаго князя Александра. Аминь.